
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Олег Каширин
(г. Тула)

КОГО УЖ НЕТ, А КТО СО МНОЮ РЯДОМ... НАШИ 70-е ГОДЫ

Наш постоянный автор.

Вспомнились институтские годы. Мои семидесятые годы. Бурные обсуждения с дымком сигарет «Прима» старшекурсников и любимца всех студентов историко-филологического факультета (тех лет) Рафаила Соломоновича Шнейдермана, старшего преподавателя литературы зарубежных стран, о текущем моменте внутренней обстановки страны и, особо важно,— о литературных новинках в толстых литературных московских и ленинградских журналах. Об очереди в читальном зале нашей библиотеки на журнал «Москва», где опубликовали роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». И невероятных слухах об измене Родине невозвращенца, нашего тульского писателя Анатолия Кузнецова, автора известного тогда «Бабьего Яра». Говорили, что из-за него лишились после этого своих постов кто-то из секретарей обкома КПСС и сам начальник местного КГБ. Говорили о премьерах столичных театров «Современник» и «На Таганке». О невероятно строгой и вроде бы справедливой, грозе студентов, преподавателе кафедры педагогики Баланюк. И еще о многом другом, что волновало будущую «интеллектуальную элиту» советского общества.

Шептались, что выпускник Володя Лифшиц со товарищем 8 ноября 1967 года (50 лет Советской власти), приехав в Москву после бурной встречи юбилея в Туле, на проспекте Маркса (ныне Охотный ряд) встали перед памятником автору «Капитала» на колени, и их не стала задерживать милиция.

Это был своего рода студенческий клуб в перерывах между лекциями и семинарами в первом корпусе на улице Менделеевской тогдашнего педагогического института (ныне университета).

Тогда были «по весне» ажиотажно популярны смотры художественной самодеятельности на факультетах института. На втором курсе мне доверили вести концерт историко-филологического факультета. Вышел на сцену, начал читать стихи однокурсника Коли Завалишина:

*Какого цвета ты, Россия?
Каким наполнила меня?
Березки в озере босые,
Или в предзимье зелена?*

*Твой цвет? А алые звезды
С былыми розами поврозь?
Ты — в перелетном птичьем крике,
Где все случилось и срослось!*

А дальше — ступор. Забыл слова. Минутная пауза. Она показалась мне вечностью. Но жюри, в котором, кстати, присутствовал непотопляемый в творчески-бюрократических кругах и уважаемый не только в области директор областной филармонии И. А. Михайловский, снисходительно разрешило вести дальше концерт.

Покраснев, к счастью я вспомнил: «*И красный флаг над сельсоветом в твоей исконной синеве!*» Концерт продолжился.

Потом, позднее, Николай Николаевич Завалишин подарил свой сборник стихов «Мое прочтение», где уже не было «Какого цвета ты, Россия?». Сборник точных, порой весьма язвительных литературных пародий. Я сейчас взял его в руки, заново прочитал. И вспомнил его хулигански задорное, неопубликованное:

*Любовь. Она покрепче спирта.
Богатырей бросает ниц.
Налейте мне стаканчик флирта.
Я пью за здоровье Блудниц!*

Вот так-то! Знай наших из семидесятых годов.
Или из того же опубликованного сборника:
Валерий Савостьянов:

*У меня в глазах рябило —
Прочитал и обомлел:
В дневнике моей любимой
Нет ни строчки обо мне.
Вот дневник знакомой Нади.
Надо ж, сколько наплела!
Две общественных тетради
Про амурные дела.*

*Том второй. Да где же мера!
Все мужские имена.
Есть про Вову и Валеру,
Но совсем не про меня.*

*Я читаю с кислой миной.
Хоть бы кончился скорей
Дневничок моей любимой.
Впрочем, может, не моей...*

Тогда, в семидесятые, с Валерием Николаевичем Савостьяновым мне не довелось повстречаться. Я познакомился со своим одногодком намного позднее, в Тульском отделении Союза писателей, когда он уже стал маститым поэтом. Лауреатом, дипломантом многочисленных поэтических международных, российских конкурсов и фестивалей и т.д. и т.п.

Короткий отрывок из его стихотворения «Однолюб»:

*Брат, хоть я не привередник,
Мне сегодня тяжело:
Я империи наследник,
Чье название с карт сошло.
Я лишь ей давал присягу,
Ей оружие ковал, кровь свою —
Больному флягу
Для нее переливал.*

*Я любил ее устало,
Мог с устатку нагрубить —
Но когда ее не стало,
Стало некого любить.*

Еще один мой одногодок, с которым мы в один день получили членские билеты Союза писателей России — Валентин Викторович Киреев. После ухода из жизни известного писателя Глеба Ивановича Паншина, близкого друга патриарха послевоенной поэзии Николая Константиновича Старшинова, он решительно стал лидером в духовной жизни города Новомосковска. Валентин долгие годы руководит им созданным «НЛО» (Новомосковское литературное объединение) и аналогичным объединением в городе Богородицке. Лауреат областных литературных премий им. Льва Толстого и им. Ярослава Смелякова, и прочее, прочее... Киреев чрезвычайно плодovit в своем творчестве. И бессмысленно перечислять список его поэтических сборников. Одно из его многочисленных стихотворений:

КОРНЕВЫЕ СЛОВА

*Умирает деревня — наследие предков.
Города... Города... Как такое стряслось,
Что к исконным корням возвращается редко
Тот, в ком русская стая и мужицкая кость?
Что останется им, нашим дальним потомкам,
Если нынешним русским забыты давно
Корневые слова: волокуша, котомка,
Лепота, перевясло, татарник, гумно...*

*Что останется им, если чаще и чаще
Слышим не «хорошо», а тупое «о-кей»,
Если чуждый язык, ни о чем говорящий,
В Русь внедряется гнусной речевкой своей?*

*Нет, не «вау» кричать наши дети и внуки,
Восхищаясь чуждой побрякушкой, должны —
Есть у нас свой язык,
есть крестьянские руки...*

Тогда, в семидесятые, у нас на истфиле был еще один поэтический хулиган.

Один раз в месяц на одной из стен рядом с аудиторией, где читал «на потоке» свои лекции Шнейдерман, вывешивалась долгожданная факультетская стенная газета «Наша жизнь» форматом чуть ли не в восемь чертежных листов. Не предмет сейчас о

ней рассказывать. Но однажды наряду со стихами Геннадия Бредихина в ней появились короткие строчки:

«У Суворова лицо — чем садятся на крыльцо!» Да еще с дружеским шаржем Генны Бредихина на автора.

Написал это и поместил в стенгазету сам Володя Суворов, филолог из группы «В». Уже потом Владимир Сергеевич, преподаватель русского языка и литературы в школе села «Гремячее», член Союза писателей России, опубликовал, будучи зрелым поэтом:

*У нас была хорошая семья,
Хотя мы вправду жили бедновато...
А что в дому! Три стула, да скамья,
Да из матрасов вылезала вата.
Но было нам плевать на обиход.
На коврики на стенах и подзоры.
Ну, был, конечно, в поле огород
И книжечек тьма, пленявших наши взоры.
Не захотел я азбуку пройти,
Поскольку вдруг, усилия утроя,
Я стал читать, примерно, лет с пяти,
Так, сам собой, за братом и сестрою.
Мы книги в дом охапками несли,
Так пчелы копят мед в душистых сотах.
И с той поры от стольких бед спасли
Меня тома в различных переплетах.*

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Был снег в морозном дыме...
Носил я сестрино пальто
С кармашками цветными.
Снимал я сестрино пальто,
Сворачивал в комочек,
И гардеробищицу просил:
Повесьте в уголочек.
И ликовал я, как никто,
Когда стряслось такое!
Когда купили мне пальто
Отличное! Мужское!
Прощай, потертый воротник,
И пуговиц костяшки,
Подкладки розовенький шик
И желтые кармашки.
И не забыть мне до конца
Тот день под отчим кровом,
Улыбку добрую отца,
Себя в пальтишке новом...*

Когда-то, в девяностые годы, я делал на ГТРК «Тула» свою очередную авторскую программу «Наедине со всеми». И в числе других пригласил на нее свою сокурсницу Наталью Товеровскую, которая когда-то написала в «Нашей жизни» одобрительную рецензию на спектакль факультетского драматического кружка «На

254

дне» по пьесе Максима Горького. В ней наш режиссер А. Я. Слуцкий доверил мне роль Актера.

Тогда после съемки программы она подарила свой сборник стихов с памятной надписью: «*Мы на земле, чтоб каясь, вновь грешить. Как тяжело!.. Как прекрасно жить!*»

Товеровская тогда была на факультете весьма яркой и эрудированной девушкой. Для меня тогда — неприкасаемой.

Итак, из очень интимного сборника Натальи Моисеевой «Камертон». Стихи о любви):

*О, Господи!
Не о себе прошу.
Дай детям моим
          счастья и покоя.
Мольбу о них
К тебе я возношу.
Дай им
          добра,
Их
          вынеси из боя.
Здоровья дай,
Чтоб устоять сумели
В шторма и бури,
          и метели.
Не охали чтоб,
          не хирели.
Душою чтобы не старели.
Чтоб жить хотели
          и умели.
Мечты осуществить успели.
Чтобы не кисли —
          песни пели...
Дай, Боже, им друзей
          надежных.
Дай Разума
          в решеньях сложных
В ненастные и
          и солнечные дни.
Пускай их жизнь
          Любовь согреет.
Дай в срок им это счастье
          испытать.
Пусть не иссякнет,
          не скудеет
Живая жизни благодать.
О, Господи!
Не за себя прошу...*

С Федором Гусевым, собкором газеты «Коммунар» в Ефремовском и Каменском районах, я случайно познакомился на полуночном «мальчишнике» у Михаила Фетисова. Миша всегда был носителем решительных действий в борьбе с дремучим бю-

рократизмом советского общества в 80-е годы. И наша «компашка» была сродни его жизненных позиций: Николай Завалишин, Игорь Арясов, соответственно Гусев и автор этих строк.

Игорь с восторгом представил Федора Александровича как уникального поэта — умельца «египетских ночей». Что это такое, я не знал и был ошеломлен умением Гусева слагать рифмованные четверостишья по заказу на любое заданное слово. Уже намного позднее я прочитал стихи в его скромном сборнике «Басовый регистр»:

*Российский сдержанный народ
Хранит исконное терпенье.
Что даст нам новый поворот:
Надежду, горечь, отчужденье?*

*Пока в меня летят плевки,
Каменья злобы не минуют.
Я не сжимаю кулаки,
Хотя душа моя бунтует.*

*Я так воспитан. Всяк мне брат.
И с ним всегда делился кровом.
Так что теперь они хотят?
Быть может, крови?*

*Понять я злобы не могу,
А в сердце доброта все реже...
Себя, как лошадь, запрягу,
А запрягу, так не удержишь.*

Сергей Белозеров завоевал среди журналистской братии характеристику негнибаемого борца с правящей бюрократической мафией. Особо он раздражал тогдашнего губернатора Николая Севрюгина. Общаясь изредка с ним, я не мог представить, что он — самобытный поэт:

*...вот и живешь,
и живешь, и живешь,
плачешь, пророчишь,
смеешься и врешь,
ходишь по городу
с анной карениной,
с тихой улыбкой
стихотвореньиной,
вечно торопишься,
вечно опаздываешь,
и скворцы посвистывают
за пазухой...*

*...зеленоглазый
и деревянный,
принадлежащий
марьевиванне,
ты образуешься,
всхлипнешь, разинешься,
екнешь испуганно*

*сердцем резиновым,
руки пустые
и губы сухие —
господи, звезды
сегодня какие!*

Как и он, рано ушла из жизни его разведенная жена Ольга Подъемщикова. На меня она производила впечатление какой-то мятущейся в жизни женщины. Талантливый журналист. Так и не нашла она чего-то своего в сложной жизни конца прошлого столетия.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

*И когда окружили тебя и глумились, смеясь,
я сбежала с порогов и вскинулась в небо,
как птица.
Неужели с тобой не увижусь на свете, мой князь?
Неужель не позволят с тобою, мой свете, проститься?*

*Я отмстила врагам, женам, детям их и городам,
я казнила подряд — даже слабых, убогих и нищих,
и застыла — увидела твой укоризненный взгляд,
устремленный с тоской на поруганное пепелище.*

*Пролетели века, я все так же стою у окна,
не видны людям слезы мои. Только слышу ночами:
«Тяжело ли тебе без меня? Как ты княжишь одна?
Милуй их, не казни. Вспоминай меня во дни печали».*

*Этот город — чужой, и почти что — чужая — страна.
Облетели слова, обмелели и души, и реки.
И последняя жизнь не нужна бы была и странна,
но мы встретились, княже, и нас не разлучат веки.*

С Анатолием Николаевичем Филипповым мы познакомились в Приокском книжном издательстве, где он трудился в качестве редактора. Неторопливый, до язвительности ироничный, он подарил мне в 1989 году только что «вышедший в свет» сборник стихов «Метафора печали»:

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ ПРОРОКОМ СТАТЬ

*Не дай мне бог пророком стать:
я проникаю в суть —
и по ночам не в силах спать,
а днем не в силах путь
продолжить свой,
но не затем, что я ленив и слаб,
иль новых множество затей
мне путают дела,
и не затем, что нет пути.
Он есть — и путь, и цель,
но по нему нельзя идти,*

*не веря, что в конце,
что в той прекрасной стороне
ждут счастье и покой...*

*Дай бог не быть пророком мне:
не знать про путь другой.*

С Виктором Харлашкиным мы близко общаемся уже около пятидесяти лет. Виктор Георгиевич начинал свою поэтическую карьеру под большим влиянием творчества В. С. Высоцкого. Но со временем он приобрел свое лицо в лирике и в остросоциальных стихотворениях, порой чрезвычайно жестких, но правдивых и искренних. Он — лауреат многочисленных конкурсов и фестивалей патриотической песни, Его стихи опубликованы в 14 странах, в том числе в Дальнем Зарубежье.

ЭШЕЛОН

*Кто-то бросил призыв: «Нет кавказской войне!»
Поделили призы и в Москве, и в Чечне.
Миротворцы стараньем заслужили почет
И народ признание — как наивен народ!*

*А в степи под Ростовом, к полустанку пристав,
Смертью в холод закован самый страшный состав.
Здесь война продолжает монолог свой без слов,
И сердца разрывает матерей или вдов.*

*Те, кто сделал заказ на сто тысяч гробов,
Видят в каждом из нас бессловесных рабов.
И не войны пали для корысти чуждой,
Это мы, кто смолчали, омертвели душой.*

*А в степи под Ростовом, средь донских ковылей,
Смертью запатентован эшелон — мавзолеей.
И пустые глазницы неизвестных солдат
В наши мертвые лица с укором глядят.*

В 1969 году на смотре художественной самодеятельности привлек всеобщее внимание своими яркими стихами студент-филолог Александр Ермаков, в будущем главный редактор «Молодого коммунара» и основатель «Тульских известий». Но он по каким-то причинам не публиковался в текущей прессе и не издал самостоятельный сборник. И рано ушел из жизни.

Мне так и не удалось найти какие-либо следы его стихов.

То же самое с Софьей Киселевой (Сонечкой), которая у меня своим тихим голосом и манерой разговора ассоциировалась с феноменом 60-х годов Беллой Ахмадулиной.

Я не собирался делать литературный анализ творчества всех, кого вспомнил в этом эссе. И не собираюсь обсуждать их непростые порой жизненные пути и характеры. Не все они остались преданы поэтической музе. Это жизнь! Но всех их, кто начинал свое творчество в далекие семидесятые годы прошлого века объединяет то, что они все — Личности. Личности, вступившие в большую жизнь в Семидесятые.

И ныне — кого уж нет, а кто со мною рядом!

Элина Рудая
(г. Симферополь)

Родилась и живет в Крыму. По профессии — инженер, работает в сфере телекоммуникаций. Пишет стихи и малую прозу, член Крымского союза журналистов этнических СМИ. Публиковалась в газетных и литературных изданиях Крыма. Автор сборника очерков «Записки крымской путешественницы» (2013 г.) и стихов «Между прошлым и чем-то завтра...» (2017 г.).

В ПОИСКАХ ДРЕВНЕЙ КИММЕРИИ

Небольшой городок в восточной части Крымского полуострова — Старый Крым — манит к себе колоритом древности.

«Наполовину — город, наполовину — деревня», — дают ему определение сами местные жители. И действительно, большое количество частных подворий здесь соседствует с этажной застройкой, магазинами и рекламными щитами, характерными для современных городов. Жизнь течет неторопливо, впрочем, как и сто лет назад. «Город тих, спокоен, в нем можно отдохнуть от суеты, от постоянного напряжения нервов», — отмечал классик белорусской литературы Максим Богданович в 1915 году.

Судя по археологическим раскопкам, здешние места люди освоили еще с античных времен. Но поселение у подножия горы Агармыш получило статус города только в средние века. Солхат, по генуэзским источникам, или Крым, по тюркским, возник на древнем караванном пути, соединяющем Европу с Индией и Китаем. Из русских земель купцы везли меха, воск, лен, изделия из кожи, а караваны с далекого Востока доставляли сюда шелка, драгоценности, фарфоровую посуду, пряности. В городе был свой монетный двор, невольничий рынок и таможня. Поселение укрепилось каменной стеной и глубоким рвом. Жизнь затихла здесь в середине XV века, после того, как столицей Крымского ханства стал Бахчисарай, и тогда город сами жители стали называть город Эски-Крым («старый ров»). До сих пор сохранились следы былых времен: мечеть хана Узбека, остатки мечети султана Египта, уроженца Крыма, Бейбарса, стены караван-сарая, где в XV веке останавливался Афанасий Никитин, возвращавшийся на родину, руины средневековой христианской церкви, армянский монастырь Сурб-Хач. На этом маленьком кусочке крымской земли госпожа История переплела судьбы самых разных народов, создав особую ауру! Возможно, эта одна из причин притяжения в Солхат творческих людей.

Коктебель, Старый Крым, Феодосия составляют своеобразный «киммерийский треугольник». «Это... особая замкнутая страна, непохожая на все остальные части Крыма», — писал Константин Паустовский. Последние годы своей жизни в Старом Крыму провел Александр Грин. Из этого маленького городка он совершал свои пешие походы к Максимилиану Волошину, жившему в Коктебеле. И сегодня, в XXI

веке романтики и почитатели таланта проходят тропой Грина и поднимают алый парус на горе Агармыш в день рождения писателя (23 августа). Мемориальный дом-музей, основанный вдовой Ниной Николаевной Грин, гостеприимно распахивает двери каждому неравнодушному посетителю, а алыча, растущая у калитки, до сих пор «помнит» Грина.

Писатель-романтик был кумиром для Паустовского, который не раз посещал Старый Крым, гриновский дом. В этом городе Константин Георгиевич жил, работал, бывал в Феодосии, Коктебеле. В 2005 году энтузиастами был создан «старокрымский» музей Паустовского. «Жить нужно странствуя», — на входе встречает вас завет писателя. Гуманист, просветитель, ценитель всего живого на земле, он следовал ему всю жизнь. И до сегодняшнего дня в Ялте «странствует» «Константин Паустовский» — теплоход катает туристов по водам Черного моря! В музейном дворике создана зеленая «экспозиция» растений, которые любовно упоминаются в произведениях писателя, а также уголок рыбака. Паустовский был страстным любителем рыбной ловли, считая, что «она полна поэзии».

В древнем Солхате писатель отмечал и «неправдоподобный воздух (очень душистый, мягкий и прозрачный)». Что правда, то правда: здесь вдыхаешь необыкновенный коктейль из горного, лесного, морского и степного воздуха! Кажется, что он очищает не только легкие, но и душу.

Старый Крым завоевывал внимание художников Ивана Айвазовского и Константина Богаевского, кинодраматурга Алексея Каплера и поэта Юлии Друниной, сестер Цветаевых и Бориса Чичибабина. В этом маленьком городке жил и творил поэт Григорий Петников, работал кардиохирург, писатель Николай Амосов. Скульптор и поэт Татьяна Гагарина стала автором бюста Грина у его домика в Старом Крыму и надгробной скульптуры «Бегущая по волнам» на могиле писателя.

Наиболее полное представление об истории Старого Крыма, об известных людях, живших в этих краях, складывается в местном Литературно-художественном музее. Усадьба, в которой он расположился, несет в себе колорит постройки конца XIX века: двухэтажное здание с длинной внутренней лестницей, большое количество разных по размеру комнат. Картины крымских художников на стенах гармонично вписываются и дополняют представленную экспозицию. На территории уютного музейного дворика «застыла» восстановленная сотрудниками музея Екатерининская миля, на постаментах «спят» каменные львы времен императрицы. Под открытым небом собраны и представлены для обозрения фрагменты надгробных памятников и архитектурных деталей, которые использовали народы Старого Крыма в XII—XIX веках.

Дома-музеи Паустовского и Грина, а также Литературно-художественный музей Старого Крыма входят в состав единого комплекса «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник М. А. Волошина». Сам Максимилиан Александрович поэтизировал всю восточную часть полуострова «от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива)». И, побывав в Старом Крыму, непременно хочется сказать: «Это просто Киммерия!».

«БЛИСТАЮЩИЙ МИР» 21 века

*«Когда дни начинают пылиться и краски блекнут,
я беру Грина, я раскрываю его на любой странице.
Так весной протирают окна в доме...»*

Д. Гранин

Почти сто лет прошло с момента написания романа Александром Грином «Блистающий мир». А что изменилось? Человечество покорило космос, глубины МирОВО-

го океана, вступило в эпоху компьютеров и нанотехнологий, но человек не летает, как Друд, и дело совсем не в научно-техническом прогрессе.

Во все времена, еще с древнего Рима и по сегодняшний день люди жаждут «хлеба и зрелищ», мечтают о чуде. И чем сложнее жизнь, тем сильнее желание увидеть *эдакое*, соприкоснуться с ним. Парение человека в воздухе без каких—либо механических средств и сейчас бы привлекло массу желающих посмотреть на действие. И точно также родился бы страх перед *неизведанным* — «этот удар вихря погасит маленькое косное пламя невежественного рассудка, которым чванится «царь природы». А как бы испугались даугаветы всех рангов и возрастов! Вначале они попытались бы также, как Руна Бегуэм, его «приручить», утоляя жажду собственного властолюбия и извлечения наживы, но, не получив желаемое, расправились бы с ним. Друд не был бы Человеком Двойной Звезды, если бы польстился на материальные блага мира — они превратились бы со временем в своеобразные гири, и его дар летать по одному только желанию наверняка бы ослаб. А полет дорогого стоит... «Я мог бы поработить всех, но цель эта для меня отвратительна. Она *помешает жить*»,— объясняет главный герой романа,

Руна разочарована тем, что это всего лишь мечтатель. Но как тонко Грин сравнил ее поведение в цирке с образом гусыни. «Он вспомнил стадо домашних гусей, гогочущих, завидя диких своих братьев, летящих под облаками: один гусь, вытянув шею и судорожно хлеща крыльями, запросился тоже наверх, но жир удержал его». К сожалению, в жизни полно людей, оплывших жиром бытия. Они «расталкивают локтями» окружающих в поисках своего счастья, жалуются на *несбывшееся*, но так и не обретают его, забывая о том, что счастье, все-таки,— это состояние души.

Жизнь человека определяется телом и духом. Друд не обладал мощной статью, и его не интересовали телесные услады, зато его дух был силен, именно он позволял подниматься над обыденностью. В этой способности — сам автор. Не только Друда, но и его, Грина, внутреннее зрение могло посетить все уголки мира.

Грин, много повидавший и испытавший в своей жизни, все наблюдения перенес на страницы своих произведений. Рассказы — это предшественники его романов, а те, в свою очередь, стали апофеозом творчества замечательного романтика, поэта в душе — настолько образно его повествование.

«Блещающий мир» наполнен философскими рассуждениями о жизни человека, о счастье, о творчестве, любви. «Каждый человек должен играть»,— говорит автор словами Друда, подразумевая творческое созидание. Именно оно может подарить взлеты и падения, без которых не может быть ощущения парения над каждодневной суетой, преодоления «земного притяжения». Если одолевает депрессия или тоска, Грин советует: «...бегите в деревню, ешьте простую пищу, купайтесь, вставайте рано... работайте до изнурения».

Но Друд опасен обществу потребителей, миру капитала. «Неподвижную, раз навсегда данную, как отчетливая картина, жизнь — волнует он, изменяет и в блестящую даль, смеясь, движет ее. Но мало этого. Есть жизни, обреченные суровым законом бедности и страданиям безысходным. Холодный лед крепкой корой лежит на их неслышном течении; и он взламывает этот лед, давая проникнуть солнцу в тьму глубокой воды». Только такие, как Тави, ожидают от него действительного полета, и задаются вопросом: «Каково это быть птицей?! А?»

Конец повествования однозначен — «змея бросилась на орла». Что такое тюрьма, как методично расставляются «сети» на человека, Грин знал не понаслышке. Друд, смеясь, смог перейти «границу, раскинутую страшной охотой», но... Руна увидела его мертвым. Только это ее успокоило — «я вновь буду жить, как жила». Грин, на самом деле, не убивает главного героя — это иллюзия только для больной Руны. Друда, т.е. Дух, нельзя убить!

Мир по-прежнему, несмотря ни на что, блистает. «Если нет мысли, что все задуманное и исполненное могло быть еще стократ совершеннее, чем теперь,— ты можешь заснуть, и сном твоим будет пр о с т а я жизнь», уважаемый Читатель!

НАЙТИ НЕСБЫВШЕЕСЯ

(к 90-летию романа А. Грина «Бегущая по волнам»)

Самые светлые, яркие романы с тонкой вуалью таинственности Александр Грин написал в последние десять лет своей нелегкой жизни. Несмотря на выпавшие невзгоды, его произведения насыщены фееричной романтикой, красочными мечтами и глубоким психологизмом. В этой череде роман «Бегущая по волнам» занимает особенное место.

Каждый человек на протяжении своей жизни ищет счастье, силуэт которого рисует его воображение. «Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас... Дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся?.. Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?» — отмечает Грин, а вместе с ним и главный герой романа «Бегущая по волнам» Томас Гарвей.

Естественные человеческие желания не покидают Гарвея, а наоборот, все более разрастаются внутри: «Случалось неоднократно, что мои встречи, мои положения звучали как обманчивое начало мелодии, которую так свойственно человеку желать выслушать... Города, страны время от времени приближали к моим зрачкам уже начинающий восхищать свет... но все это развивалось в ничто; рвалось, подобно гнилой пряже, натянутой стремительным челноком». В описаниях мятущейся души — сам Грин и его состояние пережитого!

Биче Сениэль, девушка, которую Гарвей случайно встретил в порту, не только очаровала главного героя, но и «тронула старую тоску о венке событий, о ветре, поющем мелодии». Ему представилось, что, став в тень ее судьбы, он, наконец-то, мог бы увидеть то, к чему стремился всю предыдущую жизнь. Последующие действия романа рассказывают о головокружительной, подчас опасной для жизни, погоне за «таинственным и чудным оленем вечной охоты» — Несбывшимся!

Загадочности всему повествованию добавляют слышимые главным героем голоса, знаки сплетающихся событий и, конечно же, легенда о Фрези Грант, которая с легкостью, не раздумывая, наперекор всему, устремилась однажды по волнам жизни к острову своей Мечты. Теперь она помогает всем, кто терпит кораблекрушение в водовороте ежедневной суеты — и Гарвей, оказавшийся в одинокой шлюпке в бескрайнем океане под звездным куполом неба, не исключение!

В Гель-Гью, куда попадает главный герой романа вместе с командой судна «Нырок», состоялась самая важная встреча Гарвея с Биче, его рассказ о ночном происшествии на «Бегущей». Случайно оброненная фраза о Фрези Грант, о том, что он, Томас Гарвей, видел ее, решает всю судьбу возможных будущих взаимоотношений двух молодых людей. Биче Сениэль слишком рациональна, чтобы верить в существование Фрези. Их пути расходятся из-за непонимания друг друга. Тем не менее, по прошествии времени, несмотря на болезненные воспоминания, Гарвей чувствует себя счастливым оттого, что не солгал в решительную минуту, оставил за собой право иметь собственное мнение и судьбу.

Праздничный карнавал в Гель-Гью дал возможность Гарвею не только встретиться с Биче Сениэль, но и по-новому взглянуть на Дези, с которой познакомился на «Нырке». Мистическим образом наряд двух девушек полностью оказался одина-

ков — желтое платье с коричневой бахромой и черная полумаска. Не только одежда, но и потрясающее сходство роста, цвета волос, сложения, телодвижений ввели Гарвея в заблуждение при встрече с Дези на маскараде. Мысль о существовании Фрези Грант — вот та «лакмусовая бумажка», которая по-настоящему отличает двух девушек. Вера в *Бегущую по волнам* восхищает Дези, дает ей дополнительные душевные силы, возможность не только понимать, но и говорить с Гарвеем на о д н о м я з ы к е, что очень важно для двух любящих сердец! Она не сомневается в подлинности рассказа о ночном появлении Фрези Грант и хочет, чтобы Томасу поверили и другие люди, в том числе и Биче. Любовь Дези велика настолько, что она готова утверждать: «Я сама была в лодке и видела Фрези Грант...».

Томасу Гарвею, как и самому Грину, повезло — он нашел Ту, которую искал! И, как это порой случается, она была ближе, чем казалось.

«ЧАСТЬ СВЕТА» О поэзии Валерия Кулешова

Так называется новый сборник стихотворений Валерия Кулешова, который является продолжением и развитием философской мысли о сути и месте человека на земле и на небесах во всех его предыдущих книгах: «Плоть песни», «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен» и др.

Мне посчастливилось насладиться его произведениями, которые он дарит читателям с какою-то творческой скупостью. И каждый раз это открытие чего-то нового, не зря же поэт «слышит» в поэме «Зов», что «...вновь Слово обретает суть всего, над чем встает». А в книге стихов «Корни слова» он распахивает до предела свою душу, утверждая:

*Весть эту
в сердце берегу
и, верно верней,
течет во мне
                глубинный гул
вдоль сросшихся корней.*

*Зрю Слово,
                снятое с креста,
свет горний — свет земной,
где я
                самим собой предстал,
и этот мир со мной.*

Нет и еще раз нет! Такие стихи нельзя читать в спешке, торопливо проглатывая слова и строчки, в противном случае ты не почувствуешь неповторимый творческий «вкус» каждого слова поэта. Мне, чаще всего, читая его стихи, хочется уединиться где-то в лесу, на пустынной сельской дороге, в бескрайней степи и вместе с Кулешовым и его детищем «Часть света», выдавить, вышептать из души и сердца от избытка чувств и сил:

*...все это было, было, было...
(Щемящей боли — не избыть).
Пусть нет уже былого пыла,
чтоб ненавидеть и любить,

но это будет, будет, будет
(душе, как дому, не простыть):
чувств кротких время не остудит,
чтоб и проститься, и простить.*

Стихи Валерия обладают завидным и бесспорным качеством — их хочется читать только вслух, чеканя, как и сам автор, каждое слово. И на удивление самому себе, я начинаю чувствовать просветление своей души, будто ее коснулась «часть света», озарившая все живое вокруг.

Я, не скрывая, говорил и говорю моему творческому другу, земляку по рождению в Становлянском районе Липецкой области, что после обдумывания (подчерки-

ваю — не просто прочтения, а глубочайшего обдумывания) его стихов, меня накрывает упруго-бодрящая волна благодарности поэту за то, что он открыл в этом непросто-м мире что-то новое, неординарное и только его — *свое*. При этом в каждом слове все острее чувствуется его проникновение в самые затаенные глубины прекрасного, стремление к головокружительному полету мысли, верование в бесконечность жизни, отчего у меня, читателя, захватывает дыхание.

Вот и в «Части света»:

*Нет — не жизнь мою отпеваю:
здесь, на пути лихом,
двери вечности я отпираю...
Да — золотым стихом.*

А разве кто-то до него вымучил и родил:

*Замысел Божий откроется
там, где себя жду,
где — за земной околицей
— нянчу Звезду?*

Он со всей откровенностью признается, что у него:

*Слово идет от сердца,
что не устало гореть.
Будет чем мне гордиться,
да и других согреть.*

Я Валерию сказал после прочтения его новых стихов в сборнике «Часть света», что он — человек без кожи. Настолько оголены его нервы и чувства (так и хочется их сравнить с оголенным электрическим проводом под высоким напряжением), слышно как его душа разговаривает с моей душой, его сердце в беспокойном биинии не дает равнодушно биться и моему сердцу. А все это происходит, без сомнения, потому, что у него:

*За каждую строчку —
расплата
по полной —
расплата судьбой.
над миром оглохшим распята
твоя нестерпимая боль...*

*Во времени спутаны корни,
но каждый свое наберет,
что было — отчаянно помня,
что будет — узрев наперед.*

Не побоюсь сказать, что в стихах Валерия Владимировича есть нескрываемое стремление открыть мир нам, читателям, таким, каким он видится ему, он говорит с нами о вещах вечных. В книге «Плоть песни» он признается:

*Я лечу, я, сгорая, свечу,
освещая и грея родимые светлые души,*

и еще:

*Суть сущего ищю в зерне
(великому — не тесно в малом)...*

Вот в этом и есть вся суть творчества неутомимого мученика Кулешова над словом, чтобы в почти неуловимо малом каким-то чудом высветить и показать нам великое и значимое!

И, опять же, на мой взгляд, это происходит у поэта от наступившей и в муках выстраданной творческой и жизненной зрелости, в конце концов — от душевных перегрузок, осознания и осмысления своей далеко непростой судьбы, от нескончаемых лишений и потерь, крутых жизненных поворотов-разворотов.

*Боже,
заботу —
самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.*

Может ли после таких стихов Валерия Кулешова быть спокойна душа? Моя — точно — нет! А все потому, что в его творчестве — «часть света» жизни каждого из нас...

*Анатолий Коновалов,
член Союза российских писателей,
академик Петровской академии наук и искусств*

Евгений Трещев
(г. Щекино)

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Наш постоянный автор.

Недавно из печати вышла новая книга, написанная Геннадием Николаевичем Маркиным, под названием «Дознанием установлено...» которая включает в себя двадцать четыре рассказа: «Алтуховский Каин», «Презумция невиновности», «По следу «беса», «Жалоба крестьянки», «Рождественский подарок», «Отцовское завещание», «Плис для Глафиры», «Посеял Самсон бурю», «Анна и Аня», «Объездчик Пирогов», «Неудачный брадобрей», «Крапивенская уездная полиция», «Буйный ямщик», «Зерно раздора», «Кража», «Заработанные деньги», «С легким паром», «Имею честь покорнейше просить», «Как писарь у судьи взятку вымогал», «Неподсуден», «Неблагонадежный», «В последний путь», «Конец Пашки Неуловимого», «Крестьянин Козьма Борисов». Часть из них уже печаталась в периодической литературе и нашла хороший отклик у читателей.

События, изложенные в книге, происходят в конце девятнадцатого — начале двадцатого века в Крапивенском уезде Тульской губернии.

Это произведение имеет не только художественную ценность, но также и историко-познавательную. Автор поставил перед собой цель изобразить жизнь прошедшей эпохи на примере деятельности главного героя произведения — урядника Сидорова, прослужившего в полиции более тридцати лет. Все написанное носит в себе печать самобытного, истинного таланта писателя и сделано с редкой смысловой сжатостью, когда время можно прощупать рукой.

Перед нами словно раскрывается дорога в далекое прошлое, где не было ни нас, ни всего того, что составляет нашу жизнь. Мы стараемся увидеть, смещая в мыслях время и пространство, как жили наши предки.

Здесь историзм проявляется в точной передаче социальных, бытовых, психологических, языковых особенностей изображаемого периода времени. Многие факты и события уже забыты, уйдя в небытие со многими поколениями людей, когда-то живших на этой земле.

Жизнь основана на борьбе светлого и темного, добра и зла. И эта борьба постоянно происходит в душах людей, что нашло отражение на страницах произведения.

В ходе работы над книгой автором широко использовались архивные документы, в том числе «Протоколы полицейского урядника Ясенковской волости Крапивинского уезда Сидорова». Геннадий Николаевич вспоминает: «Я взял это дело и начал его внимательно изучать... Написанные аккуратным почерком протоколы до такой степени меня захватили, что я не мог от них оторваться, вчитывался в каждую строчку, в каждую букву». Опираясь на эти документы, он смог воссоздать облик и события прошлого, включая в свой труд также творческий художественный вымысел. Он пишет и о том, что могло быть, а не только то, что было в действительности. В центре произведения — образ-чувство, образ-переживание. Очень характерны сравнения и эпитеты в обрисовке портрета главного героя, раскрывающие его внутреннюю суть.

Урядник Николай Иванович Сидоров был знаком с графом Л. Н. Толстым и членами его семьи. Секретарь графа Н. Н. Гусев пишет об уряднике Сидорове: «человек высокого роста, крепкого телосложения, весь седой».

Чтобы украсить и оживить повествование, Геннадий Николаевич включил в произведение высказывания своих героев, порой довольно эмоциональные. Иногда они носят исповедальный характер. Так он создает не только неожиданные, но и яркие волнующие образы. Они выписаны красочно, выпукло, зримо.

Особенно хочется отметить хороший русский язык, простой и внятный стиль изложения. Ему изначально чужда манерность. А «писать просто и ясно так же трудно, как быть искренним и добрым» (С. Моэм). Г. Н. Маркин с этой задачей справляется успешно.

Автор пристальным и внимательным взглядом всматривается в лица, в судьбы и души людей, подробно и красочно описывает места действия, окружающую природу. Человек и природа в его творчестве неразрывны. Он не жалеет эпитетов, чтобы описать звуки, краски, запахи.

В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей.

В последние годы в обществе растет интерес к истории, люди стремятся понять и переосмыслить прошлое своего народа. Какими были наши предки? Как они жили? Что их волновало? Вопросы, вопросы и вопросы...

Ответы на некоторые из них можно найти в книге Геннадия Николаевича, так как все рассказы, включенные в книгу, основаны на реальных событиях.

Как мы видим из содержания рассказов, в деятельности уездной полиции имели место профессионализм и дисциплина со стороны одних полицейских (таких, как урядник Сидоров), а также неспособность и разгильдяйство со стороны других чинов полиции.

А жизнь в уезде не стояла на месте. Также, как и в наше время, в те годы убивали и избивали людей, обманывали, оскорбляли и воровали. Все повторяется.

К началу двадцатого века более восьмидесяти процентов населения России составляли крестьяне. А быстро растущей группой населения были рабочие, в основной массе являющиеся выходцами из деревень.

Жизнь среднего русского крестьянина была исключительно суровой и беспросветной.

Должность уездного полицейского урядника являлась очень важной в уездном административном аппарате. Уряднику предписывалось вести «жизнь честную и трезвую», завоевать доверие и уважение местных жителей. К сожалению, далеко не все они соответствовали этой рекомендации.

Полицейский урядник подчинялся становому приставу и ведал определенной частью стана, как правило, равной волости. Уряднику предписывалось охранять общественное спокойствие, следить за соблюдением санитарных и противопожарных

норм, «за проявление действий и толков, направленных против правительства, власти и общественного порядка». Он расследовал мелкие преступления, производил первичное дознание, задержание виновных и подозрительных лиц. Урядник кроме того являлся непосредственным начальником стражников, а также выбранных из крестьянской среды сотских и десятских на местах.

Нарисованная автором картина наполнена большим философско-нравственным содержанием. «Настоящий писатель — это то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди»,— говорил А. Чехов. Книга «Дознанием установлено» помогает нам понять истину, открыть соотношение добра и зла в нас самих и окружающем мире. Есть четкая граница между тем, что любит и что ненавидит автор всеми силами души. В какой-то степени он обличает и среду, убивающую в человеке все его лучшие духовные качества. Писатель умеет говорить правду.

Отдельные фрагменты в сборнике рассказов выделяются в самостоятельные микророманы и могут существовать абсолютно обособленно.

Человеку трудно выжить в холодном мире, где царит жестокость и несправедливость.

Судьбы героев, проблемы, поднятые Маркиным, созвучны и с нашим временем. Корень всех зол в жадности. В современном мире, где правят деньги и потребительство, осталось очень мало людей, которые готовы бескорыстно помогать другим. Это жестокий мир. Человек человеку волк — вполне естественное и привычное явление в современном обществе, где каждый борется за себя и своих близких.

Сделать выбор всегда тяжело. Но часто это выбор между добром и злом. И тут на помощь приходит совесть — голос Бога внутри человека, как говорят в Индии. Совесть и нравственность — это то, что делает человека человеком.

Сборник рассказов «Дознанием установлено» эмоционально свежая книга, искренняя и интонационно взрывная. Она четко расставляет акценты и приоритеты. Автор на высоком уровне владеет художественными приемами, умеет сохранять читательский интерес, вести интригу. М. Горький утверждал: «Не умея держать в руке топор — дерева не отнешь, а не зная языка хорошо-красиво и всем понятно — не напишешь». В произведениях Г. Н. Маркина есть все: знание языка, чувства, вера, любовь, надежда, образ, глубина и мысль. Он пишет с полной самоотдачей, раскрепощая свое сердце, жаждущее понимания. Текст крепко держит читателей неожиданными поворотами сюжета. И они признательны автору за то, что он сумел передать им свои самые сокровенные чувства в моменты раздумий и сомнений, любви и радости.

Книга удалась. И мы видим, что в литературе только крайняя степень сосредоточения и самопожертвования приносит успех и творческое счастье.

Сэда Вермишева
(г. Ереван)

СВЕТЛАЯ КНИГА

Поэт, публицист, общественный деятель. В настоящее время является членом Союза писателей России, Союза писателей Армении, сопредседателем русскоязычной секции Союза писателей Армении, а также действительным членом Академии русской словесности Союза писателей России, действительным членом Петровской академии наук и искусств, членом правления Союза армян России, сопредседателем московского общества дружбы с Арменией при Правительстве Москвы.

Мне принесли бандероль. В ней книжка — «Армянские мотивы» (Валерий Савостьянов, Тула, Аквариус, 2015). «Армянские мотивы» — из Тулы?..

Немного удивившись такой географии — стала читать. Сначала выборочно, потом подряд:

РОЗОВЫЙ ГОРОД

*Есть город, где белые ночи.
А этот — из розовых дней,
Из юности: из многоточий
Ее путеводных огней.*

*Не зря он казался мечтою:
Поныне в душе не потух,
Пленивший своей красотой
Домов его розовый туф!..*

*Я помню, в гостинице встанет
Пока что еще не поэт —
Взглянет за окошко: светает?
А город и сам — как рассвет!*

*И он же по улицам смело
Бредет и бредет наугад.
Темнеет ли? Солнце ли село? —
Но город и сам — как закат!*

*Рожденье поэта — ты тайна!
Как все, что ты пишешь в тетрадь.*

*О, как он спешит неустанно
Свет розовый в сердце вбирать!*

*...И страстно его бормотанье,
Где рифмой пульсирует свет!
И ловит его мирозданье
Антеннами звезд и комет...*

ДОХНУЛО ЧЕМ-ТО РОДНЫМ, БЛИЗКИМ, НО ПОЧТИ ЗАБЫТЫМ, УТРАЧЕННЫМ. И, как будто, свет излучали страницы этой книги, свет прошлого, которое не вошло в наше настоящее, осталось где-то на задворках истории, сделав нас душевно и духовно беднее, поселило в нас чувство сиротства в собственной стране.

Но вот это прошлое заговорило со мной со страниц книги Валерия Савостьянова «Армянские мотивы». И не потому, что мотивы — армянские, а я — армянка. А потому, что в этих «Армянских мотивах» звучит музыка, обогащающая и объединяющая души, а не национальная гордыня и исключительность. Не говоря уже о какофонии межнациональной розни, так обильно сегодня, к сожалению, насыщающей и разрушающей наше жизненное пространство.

И написана эта книга в лучших традициях русской литературы и русского характера, которые отмечал еще Достоевский, — это удивительная способность проникнуться культурой другого народа, другой страны, изучить и понять ее историю, восхититься героическими страницами, скорбеть о трагедиях другого народа, — все это в небольшой, но емкой книге Валерия Савостьянова «Армянские мотивы».

И лирическое начало, и ритмика поэзии Валерия Савостьянова сообщают повествованию особую силу и достоверность. И сама книга, выпущенная Валерием Савостьяновым в 2015 году, когда отмечалась юбилейная дата — 100-летие геноцида армян в Турции, — дань памяти и поклон жертвам той трагедии... Он сопережил драму армянского народа, как собственную. Книга «Армянские мотивы» — свидетельство тому...

Природа Армении, ее древние храмы, архитектура, розовый камень — все пленяет, восхищает взор поэта. Но главное — это люди, с которыми он встречался в Армении, их доброжелательность и человеческое участие — чувства, которые он и сам испытал к людям в этой, поначалу незнакомой, но ставшей такой близкой и родной, стране.

Сама поэзия Валерия Савостьянова проникнута чувством необыкновенного душевного родства с Арменией, с людьми, с которыми учился, работал, жил, и которых не забыл по сей день, во времена нагрянувшего на нас лихолетья и всеобщего беспмятства.

А потому мне захотелось, чтобы книжка была переиздана в Ереване, чтобы как можно больше людей вспомнили, что не всегда материальное было эквивалентом человеческих ценностей, и еще вернутся времена, когда, как пишет Валерий Савостьянов, можно будет:

*...запомнив счастливые лица,
Доложить совещанию муз,
Что надежно стоит на границе
Нашей Дружбы Великий Союз.*

ЖИЗНИ СТИХ ЯКОВА ШАФРАНА

Распорядиться жизнью можно по-разному. Если, конечно, это в принципе возможно: распоряжаться жизнью. Много было в истории деятелей, стремившихся распоряжаться жизнями, но не своими — других людей. Ничего хорошего не выходит из этого. Немало современников на наших глазах по-хозяйски распоряжаются жизнями — опять чужими: сограждан, клиентов банков, ближайших родственников, политических попутчиков, доверчивых встречных. И опять-таки такая практика не вызывает восторга широких масс населения. А есть совсем небольшая группа людей, которые однажды решают, как распорядятся своей собственной жизнью, и находят в себе силы и мужество свое решение воплотить и расплатиться за него. Вот эти люди вызывают уважение. По крайней мере, у меня.

Яков Наумович Шафран однажды решил, как он распорядится своей жизнью: посвятит ее литературе. Так он и сделал. И благодаря этому решению появились сборники стихов, рассказы и роман, повести и песни, статьи и рецензии — потом. Потом началась работа по организации литературного процесса в богоспасаемом граде Туле, добровольная редакторская ежедневная каторга, постоянная ротация чужих текстов, переписка с авторами и издательствами, заведование редакцией «Приокских зорь», снаряжение в плавание «Ковчег»... Это потом. Сначала было решение. Так он распорядился своей жизнью. Только сам Яков Наумович знает, чем заплатил он за свое решение. Это его дело. *Это его дело.* А наше дело — сказать спасибо за «Жизни стих», за «Лирическую волну», за «Ностальгию» — за все, что сделано.

«Ностальгия»* — последняя по времени выхода в свет книга Шафрана. Сборник стихотворений разных лет, разной стилистики, разного настроения. По этим вот стихам и видно, как человек может распорядиться своей жизнью, как переплавляются в стихи «сердца горестные заметы» и счастливые мгновения, минуты любования природой и общения с любимыми людьми, прочитанные газетные полосы и милый детский лепет.

Мне нравятся эти стихи умением остановить мгновение, передать настроение не столько лирического героя, сколько времени, скажем, времени года. Вот, например:

*У прохожих нынче затуманен взор,
Мыслей ход неспешен, даже шаг не скор.
Словно вся природа медлит, не спешит.
Видно даже время больше не бежит.*

«Это же осень», — скажет любой читатель и не ошибется. Кому из нас не знакомо это замедление бега времени осеннею порой? Кто не повторит за автором «Ностальгии», глядя из окна на городскую толпу:

*Мечутся тени людей,
плавают шляпки зонтов*

* Шафран Я. Н. Ностальгия. Стихи разных лет. Тула, Полиграфинвест, 2018. 270 стр.

*В море дождя и огней,
и вездесущих авто.
Я на балконе стою,
створки окна распахнул.
Осень, напиток твой пью
и, тяжелея, тону.*

Мне нравятся стихи, в которых образ визуализирован, но не прямолинеен, в которых психологизм становится ключом к пониманию произведения:

*Обнаженной женой пред супругом,
Словно в первую брачную ночь,
Перед первыми снегом и вьюгой
Ждать земле уже больше невмочь.*

Безусловно, олицетворение природы в пейзажной лирике Я. Шафрана является и средством выразительности, и отражением своеобразия внутреннего мира автора, для которого лирика любовная имеет не меньшее значение.

Как и прерывистое, неровное дыхание природы, любовь для Шафрана — стихия: подвижная, неуловимая, живущая своей внутренней жизнью, которую человеку вряд ли дано понять:

*Может быть, это день был такой,
Или просто устал я душою —
Ты вчера была вовсе чужою,
А сегодня вновь стала родной.
Может, это березовый сон
Сердце мне обогрел ненароком,
Может, это зеленый тот клен
Так напомнил мне вдруг о далеком.
Может быть, о весенней капели
Загрустила земля в летний зной...
То, что было когда-то в апреле,
Разве больше не будет со мной?*

Любовь не может быть неразделенной, поскольку, обращенная вовне, раскрывает внутренний мир человека. Внутренний мир лирического героя поэзии Я. Шафрана изначально ориентирован на эмпатию, наделен такой силой любви, которой хватит на двоих влюбленных. Вот несколько строк в подтверждение:

*Я не прошу сказать мне «да»,
Я не прошу...
Я не прошу дарить тепло,
Я сам дарю.
Тебя за то, что мы — одно,
Благодарю.*

Любовью живет лирический герой стихов Я. Шафрана, любовь он обретает в детстве, формируется и взрослеет с любовью, любовью логарифмирует мироздание, осознает любовь как мудрость и благодать.

*Я влюбился в тебя, когда мне было семь,
Когда прошлого нет и в помине.
Жизнь прошла, надо мною лишь прошлого тень,
Но тебя я люблю и поныне,—*

такое признание дорогого стоит. Не знаю, что почувствует женщина, к которой обращено это объяснение; не знаю, как и насколько трансформировалось с годами чувство лирического героя; знаю, что долголетие любви — синоним молодости души, даже и у человека, полагающего, будто «жизнь прошла».

Вообще, в лирическом мире Я. Шафрана явна временная оппозиция: уже отмеченное выше стремление остановить мгновение, замедлить его противостоит быстротечности, мимолетности длительных отрезков времени. «Жизнь прошла», «любовь промчалась стороной» — один из рефренов автора «Ностальгии».

Но текучесть бытия не отменяет наличия в нем констант, не подверженных временной коррозии и очень важных, определяющих для поэта. Напротив, именно неудержимый бег времени заставляет его вновь и вновь обращаться к «остриям смыслов», на которых, по выражению Гумилева, растянута ткань стихотворения. Такими зафиксированными наивысшими точками в художественном мире Я. Шафрана являются экспрессивное восприятие природы, рефлексия текущего момента и, разумеется, воспоминания о любимых людях. Мне в этом отношении наиболее близки стихи (которые можно было бы назвать циклом), посвященные светлой памяти Ольги Подъемщиковой, талантливого поэта, журналиста, человека, присутствия которого и по сей день не хватает тем, кто ее знал. Поразило меня стихотворение «Где ты?» с подзаголовком: «К 10-летию гибели в огне пожара Ольги Подъемщиковой». Вот отрывок:

*Где ты, где ты, певчая, сейчас?
А у нас зима последней пробы
Все метет, метет свои сугробы,
Пряча место, где пожар погас...*

Глубоко затаенная боль невозвратной потери легко читается за многоточием финальной строки. В другом стихотворении автор говорит: «И прошу у Бога я прощения, Словно в том пожаре виноват...» Как ценна эта вот, почти уже утраченная нами, способность почувствовать свою вину за то, в чем мы не виноваты! Сколь значима для общества способность индивида сопереживать чужим бедам! Да, боль иных потерь не изжить даже с годами, с десятилетиями. Но Я. Шафран с интимной искренностью переживает и чужую боль. Мы живем в мире, где смерть, страдания, притеснения сопровождают род людской постоянно и повсюду. Лирический герой поэзии Шафрана открыт этому яростному миру, духовно отзывчив на все, происходящее на планете:

*Опять пожары, взрывы, взломы,
Аварии, террор, обман,
И следом, этими влекомы,
Разврат, насилие, дурман...*

Всем памятна устроенная террористами авиакатастрофа над Синаем, унесшая жизни наших соотечественников, среди которых были и дети, возвращавшиеся с египетских курортов. Вся страна сопереживала жертвам, их родственникам. Не мог смолчать и Я. Шафран, откликнулся проникновенными строками:

Там, над Синайской пустыней, взорвалось

Красным по желтому сердце мое.

Немного нынче поэтов, чье сердце взрывается болью в ответ на боль других. Но только таких и можно называть поэтами. Я. Шафран сердцем, душой всегда там, где беда, где людям требуется поддержка и защита. С первых дней гражданской войны на Донбассе тульский автор своими строками (как поэтическими, так и прозаическими) поддерживает свободолюбивое «шахтерское племя». Для него эта война — продолжение всех войн, которые вел наш народ за справедливость, за право самому распоряжаться своей судьбой. «Но еще беспокойно душе, словно беды / Еще длятся, и долгая длится война», — пишет автор «Ностальгии». Для него Русский мир — понятие вполне конкретное, близкое духовно, да и биографически близкое. Поэтому так прочувствованно звучат строки, которые могли бы стать девизом и Русской весны, и Новороссии, действующего Союзного государства России и Белоруссии, и будущего гармоничного сосуществования трех братских восточнославянских народов:

*Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!*

Стоит ли добавлять, что пафос многих стихов Я. Шафрана искренне патриотический? Родившись в Беларуси, сопереживая Украине, он — русский человек: «Мне мила страна родная: / Веси, села, города». И как подлинный сын своей страны, поэт страдает от тех несправедливых обид, которые наносят Родине многочисленные коварные враги:

*Россия, за что на тебя вдруг свалилась
Сплошная немилость? Зачем? Отчего?*

Вопросы, конечно, риторические. Мы знаем, почему и как стремятся сдержать Россию. Знаем и то, каким должен быть русский ответ на попытки сдерживания. Один из вариантов ответа, в частности, дает Я. Шафран своей книгой. Русский путь — это постоянный труд, это творчество. Это развитие. Это приращение смыслов нашего бытия, в том числе и через поэзию. Это любовное, братское отношение к каждому соотечественнику, к народу в целом.

«Моя семья — моя страна. Так чувствую и тем живу я», — пишет Я. Шафран. И когда читаешь это, завидуешь ему. Понимаешь, что, сколь бы ни тяжела была жизнь, автор этих строк по большому счету счастлив. Счастлив, в том числе, и умением любовно относиться к своей малой родине. Много лет живя в Туле, Я. Шафран полюбил наш город, осознал его своим. Непростая судьба у Тулы, непростой у нее характер, ох, непростой. Наверное, могла бы... Да нет: должна была бы она быть внимательнее, добрее к своему гражданину, кующему не металл, а стихи, изощряющемуся не в подковывании стальной блохи, а в поиске поэтических тропов. Должна бы, но... Впрочем, что уж тут распространяться! Но Я. Н. Шафран, много стихов посвятивший Туле, всякий раз возвращающийся в свой город с особым чувством, не в обиде. Он Тулу любит, он понимает, он жалеет свой город:

*Ему бы выходной,
Расправить свою спинушку,
Но снова день-деньской
Все трудится, старинушка.*

Город-трудяга подчас суров, подчас грубоват. Но, честно говоря, с таким проще, чем с франтом, прячущим за деланной улыбкой равнодушие или даже злобу. С про-

стыми рабочими парнями надежнее, поскольку понятен их дух, виден их стержень, который, может быть, чуть искривлен обстоятельствами, но при случае легко отпрянет, поскольку скован верно, по замыслу, поскольку «... купола / Церквей прощенья золотом, / Спасая нас от зла, / Горят над нашим городом».

И тут самое время сказать о том, что еще движет пером Я. Шафрана: о вере, о православии.

Естественна и, видимо, необходима в лирике тема Бога, и пути человека к Богу, и обретения религиозного сознания. Давно освоено в отечественной поэзии жанр стихотворной молитвы. Всем прекрасно известны традиции и народных духовных стихов, и научно-религиозного поиска Ломоносова, и религиозно-философского мирозерцания Державина, и обращенных к Создателю строф Пушкина, Лермонтова, Блока. Жива традиция и ныне. Правда, к сожалению, современные авторы, раскрывая свои религиозные переживания, зачастую либо сбиваются на умиленно-восторженный лепет, вторичный и по отношению к молитве, и по отношению к стиху, либо останавливаются на утомительном перечислении религиозных символов, ярких и многозначных самих по себе, но не добавляющих ничего в копилку духовности. У Шафрана иначе. Он не тратит свои строки на описание золотых куполов, березок у храма, колеблющегося светового пятна лампы перед иконой. Все это было бы поверхностно и мелко для означенной темы. Я. Шафран рассматривает духовный импульс своей души так же, как это было присуще нашим предкам со времен Древней Руси: религиозность разлита повсюду, она не является отдельной темой творчества, она одухотворяет собой все. Божественна красота природы, божественны проявления высоких чувств, божественна любовь к родине, и в земной любви, в любви порою грешной, искра Божья присутствует как изначальный импульс. Потому все рассмотренные нами выше особенности творчества Я. Н. Шафрана (как и особенности его личности) исходят из его религиозного сознания, давно укорененного и многократно проверенного перипетиями жизни и творчества. Потому так веришь следующим словам автора, которые можно считать его жизненным девизом:

*Ни дня, ни часа, ни минуты
Без слова, строчки, без мольбы.*

Таких людей, таких поэтов катастрофически не хватает сегодня. Катастрофически не хватает популяризации такого творчества, такого взгляда на жизнь, такого отношения к действительности. Но это уже о нас сегодняшних, о нашем обществе, а не о поэте Я. Шафране. Его стихи останутся прежними, несмотря ни на что. И нам остается пожелать поэту новых творческих свершений, крепости телесной и бодрости духовной. Кредо Я. Н. Шафрана он сам выразил так:

*В каждый стих, рассказ и строчку
Я несу любовь свою...*

Пусть же ему на жизненном пути чаще встречаются люди, способные оценить эту открытость, эту добровольно принятую на себя беззащитность, этот ясный взгляд на мир, это стремление дарить окружающим стихи — красивые слепки души.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*

